Илья Муромец и Кудреванко

Из-за дале́... дале́чё, да из чиста́ поля́,
Да што из того же широкого раздольиця,
Да из проклето́й Орды
Да поднимался-то вор-собака, злой неверной пан,
Злой неверной пан — да молодой Сол(ы)тан да сын Солтановиц,
Кудреван да царь да Кудревановиц,
Де он со многою силой войска многа-множеством:
Де сорок королей, сорок королевичей,
Де сорок же князей, сорок князевичей.
Ка́ж(е)ному королю и королевицю
Де как довал он войска-силушки тысяцей по соро́к.
Де ка́ж(ы)ному князю и князевицу
Де как давал же войска-силушки тысеча по сорок.
Де под самим-то, под собакой, — цисла-смету нету!
Де и как пошол вор-собака, де он под Киев-град,
И не путём он шол, да не дорогою —
Де как шол дорогами, шол посторонима,
Посторонима да прямоезжима.
Де как полотном мать сыра земля от войска изгибалася,
Да на зеле́ныя луга вода от грузу розливалосе,
Де солнышко и луна нонце по́меркла
Де што от духу человецьего,
Де све́т(ы)ла месяцо как и поме́ркло же
Де всё от пару от лошадиныго.
Де подошол вор-собака, де он под Киев-град,
И становился он да на чисто́м поли,
Де как и роскидывал он да тут белы́ шатры,
Де как белы́ шатры, то́нки поло́тнены.
Де становили они окольный стольницок,
Де тут писали они да скоры́й ерлык,
Де скоры́й ерлык да скорописцотый.
Не пером оне писали да не цернилами —
Де как писали-то красным золотом,
Красным золотом да всё ордынскиим.
Тут просили они у Владимера-та князя́

От ґорода от Киева да отступитеся,
Без бою да без драки и без се́чения,
Да без большого такого кроволитиця.
Тут и приразвинется да мать сыра земля,
Де как приужжет она силушку Кудреванку.
Де как посылали они ведь тут скора́ посла.
Де ехал и скорой посол на широкой двор,
Становилсе он да у красна́ крыльця,
Де тут привязывал да он резва́ коня за колецушка булатныя,
И де што за ту же он привязку боґатыр(и)скую.
Де сам и некоґо́ он тут не с(ы)прашивал:
Де ни подворотников, ни предверников.
И заходил и он во с(и)ве́тлу гриднюш(и)ку —
Ведь он, невежа, Боґу-то не молитце,
Де со Владимером-князём да не здороваеце,
Он и тут целом не бьет...
И у Владимера-князя во светлой гриднюш(и)ке
Стоял окольный стольницок,
И подходил он ко стольницку,
Де как выбросил он-де тут да скоры́й ерлык,
Де как сам назад он петил(ы)ся,
Да ище скоро и вон пошол.
И у Владимера-князя в то времё никого не погодилосе —
Де погодился только как один Олёшенька Поповиць блад.
«Уж и ты ой еси, Олёшенька Поповиць блад!
Да ты бери-тко-ся скоры́й ерлык да скорописчатый,
Да ты скорей да распецятывай,
Да поскорей ищо да ты прочитывай,
Да и поскорей ищо мне, Владимеру-ко, вёстку дай!»
И как брал он тут скоры́й ерлык,
И скоро он да распецятывал,
И скорехонько он да тут процитывал,
И поскоре ищо Владимеру он вёстку дал:
«Уж вы ой еси, Владимер-князь,
Владимер-князь да стольнё-киевский!
Как во цистом-то поли-то у нас деется нехо́рошо:
Де подошол и к нам вор-собака, да злой неверной пан,
Де злой неверной пан — да молодой Салтан,
И молодой Сол(ы)тан да сын Салтановиць,

И Кудреванко-царь да Кудревановиць,
И он со многою войска, многа-множеством.
И он и просит и у вас от ґорода от Киева да отсту́питца
Всё без драки и без се́ченья,
И де без большого таково кроволитиця!» —
«А уж и ты ой еси, Олёшенька Поповиц блад!
Ты поди-тко на конюшей двор,
Да ты оседлай-ка два резвы́х коня:
Да на поедём-ка с тобой смотреть да силу Кудреван(ы)кову».
Де тут пошол Олёшенька на конюшей двор,
И выбирал и он да два да резвы́х коня,
Де как накладывал и он да два седёлышка,
Де два седёлышка да все черкал(е)ские,
Да тут и засте́гивал он двенацат(и) прядоцек серебреных,
Да двенацать же прядоцек жемчужныих,
И ведь тринадцату прядоцку — церез хребетунцу:
Де ту не для-ради басы́, а для-ради крепости —
Де штобы бродягами нам не набродитеся.
Де уж видели мы тут посе́дку молодецкую —
Де не завидели мы поездки боґатырские:
И де только в ци́стом поле-то пошла курева́ стол(ы)бом.
Де как отъехали от ґорода от Киёва —
Де тут завидели силушку Кудреван(ы)кову.
Де устрашились поворота дале, да и назад едут.
Де на красно́м крыльци стоит Опраксея да королевишня:
«Уж вы здорово ли, добрые молодцы, ездили?» —
«Уж ты ой еси, Опраксея-королевишня!
Де мы о‹т›ступимся-ко с тобой ґорода-то Киева,
Мы побе́жим-ко на горы на высокия,
Да што на те же мы горы на окатисты,
Де што на те же мы дорожки прямоезжия,
Де што на те же роста́ни боґатыр(е)ские». —
«Де уж вы ой еси, Владимер-князь,
Да Владимер-князь да стольнё-киевский!
Как пошто же нам с тобой бежать до делышка?
Де ты пойди-тко-сь во Божью́ цер(и)ков,
И ты молись-ка Боґам нашим могуциим:
Спасу да де Прецистому,
Де Пресветой Девы-то, Матери Божьей Боґородице —

Да не помилуёт ли нас Ґос(ы)подь?»
Де тут пошол он во Божью́ церьков,
Де как молился он Спасу тут Пречистому,
Де Пресветой Девы-то, Матери Божьей Богородице;
Де помолился — из церкви-то вон пошол.
А де как настрецу ему идет старой-старенькой,
И старый-старенькой да Илья Муромець,
Илья Муромець да сын Ивановиць:
«И уж вы здраст(ы)уйте, и Владимер-князь,
Владимер-князь да стольнё-киевский!» —
«Уж и здрастуй же, и старой-старенькой,
Старой-старенькой Илья Муромец,
Илья Муромец да сын Ивановитц!» —
«И уж вы што же, Владимер-князь, у нас да не [по]-старому?
Всё не по-старому да не по-преж(е)нему?» —
«Уж ты ой еси, старой, старой-старенькой,
Старый-старенькой Илья Муромец,
Да Илья Муромец сын Ивановиц!
Как где же мне быть по-старому?
Де же мне быть ноне по-старопрежнему?
Как подошол к нам злой собака, злой неверной пан,
Да злой неверной пан — да молодой Сол(ы)тан,
И молодой Сол(ы)тан да сын Солтановитц,
Кудреван-то царь да Кудревановитц,
И он со многою войска, многим-множества.
И просит и у нас-то ґорода-то Киева:
Да отступиться да без драки, да всё без се́ченья,
Да без большого таково кроволитиця!» —
«Уж вы ой еси, старый-старенькой!
Уж как ты про эфто да мне не сказывай:
Да ездил я смотрел силу Кудреван(ы)кову
Де из подзорной трубоцки да три́ дня и три́ ноци —
И де как не мог я тут цисла-смету дать.
Де как откати ты мне сорок бочек да зелена́ вина,
Де как откати ты-де сорок бочек пива пьяного,
Де сорок бочек мёда слад(ы)ково!» —
«А де уж ты ой еси, старой-старенькой,
И старой-старенькой да Илья Муромець,
Илья Муромець да сын Ивановиц!

Как всё преже от тебя было не за́перто —
Так и ноне от тебя всё не за́мкнуто:
То ты бери-тко-сь, сколько тебе надобно!»
Тут он пошол, старый-старенькой, да ко резву́ коню,
Де как поехал он-де ’цисто́ полё;
Де он роскидывал да тут бело́й шатёр,
Бело́й шатёр, тонкой поло́тненой;
Де откатил он сорок боцек да зелена́ вина,
Де сорок же боцёк да пива п(ы)яныго,
Де сорок же боцёк да мёда слад(ы)ково;
Де сам поехал он на горы да на высокия,
Де што на те же он горы да на окатистые,
Што на те же он дорожки прямоезжия,
Де што на те же он роста́ни боґа́тыр(е)ския.
Де как роскидывал он да тут скоры́ ерлыцки.
Де собиралосе добрых молоцев во бело́й шатёр
Де семьдесят без е́дного:
Де старый-старенькой — семидесятой был.
Де они ’де пили-ели де — тут и спать легли.
Де как у старого-то старенького
Зазнобушка была на́ серци́.
Де как стовал он поутру ранехонько:
«Уж вы ой еси, брацы, вы доб(ы)рые молоцы!
Де мы поедемьте-ко-ся сбить силу Кудреван(ы)ку!
Де поезжаете вы с фланку правого и левого —
А я поеду в серединушку силушки Кудреванковой.
Де как засвистит моя вострая сабел(и)ка,
Де затальця́т мои серебрены колечуш(и)ка —
Так уж вы бейте-секите, кто сколько можете!
А как не засвистит моя вострая сабел(и)ка,
Де как и не сбрякают мои серебрены колечушка —
Так вы не задевати лучше силушки Кудреван(ы)ковой,
А поезжайте вы хыть, хто куды знаите!»
Де как поехал старый-старенькой
К серединушки силушки Кудреван(ы)ковой.
Де в то время было ему, старенькому, лет ста семидесяти.
Как заехал в серединушку силушки Кудреванковой —
И одной рукой подал Кудреванку скоры́й ерлык,
Де как другой рукой он успел Кудреванку снять и ґолову!

Да засвистела тут вострая сабел(ы)ка,
Де зательце́ли тут серебрены колечушка;
Де бились они, дрались три дня и три́ ноци,
Де без питенья да без е́денья, —
Да победили тут силушку Кудреванкову.
Де собрались опять добры молоцы во бело́й шатёр,
Де опеть: ’де пили, ’де ели — тут и с(ы)пать легли.
Де старой-старенькой, он ставал да тут ранехонько.
Де выходил и он да из бела́ шат(ы)ра,
Де тут смотрел он в подзор(ы)ную трубоцку.
Де увидал и он в цистом поле: да два удалы́х
Два Ивана, да два Ивановитця, —
Де потешаютсе они булат(ы)ной палоц(и)кой:
Де как выбрасывают ей тюць выше лесу дремучего,
Де тюц пониже облака ходе́чего,
Да похвалютца они да небол‹ы›ми словьми.
Де как первой-от го́ворит:
«Кабы был-стоял в матери сырой земли да колокольный столп —
Де поворо́тил бы и я всю мать сыру́ землю́!»
Де как друґой-от го́ворит:
«Кабы стояла бы на небо лестниця —
Дак там бы я залез и всех присек!» —
«Да как за эфто нас Ґосподь да не помилуёт!»
Да тут восстала опеть силушка Кудреван(ы)кова:
Де кого били и се́кли на́д(ы)вое — де тех двоё стало,
Де-ко кого били, секли на́троё — да тех троё стало!
Де опеть съехались доб(ы)рые молоци;
Де они бились и дрались шесь дней и шесь ноцей,
И де без пи́тенья, да всё без е́денья.
Да тут стали резвы́ кони бро́дить в крови до резва́ брюха́.
Де тут приразвинуласи мать сыра земля —
Де как прожрала она всю силушку Кудреванкову́!

(Зап. И. М. Левиной 18 июля 1928 г.: д. Большие Нисогоры Лешуконского р-на — от Палкина Александра Ивановича, 75 лет.)

Былины: В 25 т. / РАН. Ин-т рус. лит. (Пушкин. Дом). — СПб.: Наука; М.: Классика, 2001. Т. 4: Былины Мезени: Север Европейской России. — 2004.